

ГЛАВА 28

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕРЫ В КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ COVID-19 И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Психологические последствия пандемии и распространение конспирологических теорий

Проблема психологического воздействия пандемии на личность и общество, в том числе последствий переживания угрозы заражения и вынужденного изменения образа жизни во время карантина, находит отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Поскольку новая коронавирусная инфекция «дебютировала» в Китае и странах Европы, зарубежные исследователи имели возможность накопить некоторый опыт изучения как симптоматики COVID-19, так и психологического состояния общества и информационного фона течения пандемии (Дейнека, Максименко, 2020). Одним из непосредственных эффектов переживания эпидемиологической угрозы, зафиксированных еще на первом этапе развития пандемии в Китае, стал рост симптомов посттравматического стресса, депрессии и тревожных расстройств (Быховец, Коган-Лернер, 2020; Ahmed et al., 2020). Национальные репрезентативные исследования, проведенные в различных странах, указывают на широкую распространенность дистресса в период пандемии COVID-19. Например, в Китае его симптомы к маю 2020 г. отмечались у 35% населения, в США – у 45%, а в Иране – у 60% (UN Policy Brief, 2020).

Результаты эмпирических исследований состояния российского общества и его адаптации к пандемии, вызванной COVID-19, в науч-

Глава представляет собой доработанную версию статьи: *Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А.* Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // *Социальная психология и общество.* 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104.

ной и публицистической литературе освещаются с марта 2020 г. Уже в первый месяц самоизоляции был отмечен рост подавленности, тревоги, страха, паники, ухудшение сна, а также снижение количества тех, кто использует рационализацию или отрицание как защитные механизмы, при этом исследователи отмечали обращение россиян к религии, падение уровня конструктивного мышления и эмоционального совладания. Статистически значимо выросли показатели, свидетельствующие о повышении эзотерического мышления, наивного оптимизма и на уровне статистической тенденции категоричности мышления (Ениколопов и др., 2020). Психологическими эффектами, спровоцированными эпидемической ситуацией у россиян, явились страх, апатия, ступор (Федосенко, 2020). Причем попытки справиться с тревогой по поводу негативных последствий пандемии за счет мысленного ухода от проблемы, использования «успокоительных», отрицания связаны с более низким уровнем удовлетворенности жизнью, а также отказ от чтения новостей о пандемии могут усугублять ее негативные психологические последствия (Рассказова и др., 2020; Тхостов, Рассказова, 2020). Ряд исследователей, опираясь на проведенные среди психологов экспертные опросы, справедливо подчеркивают наличие противоречий интересов разных групп населения, порождение негативных тенденций в отношениях между ними (Нестик, 2020; Ушаков и др., 2020). В частности, анализ социально-психологических механизмов влияния пандемии на личность и общество позволяет выделить разнонаправленные тенденции: с одной стороны, солидаризацию общества перед общей угрозой, а с другой – рост веры в опасный мир и авторитарных установок, снижение социального доверия, стигматизацию и обострение межгрупповой напряженности (Нестик, 2020). В социальных сетях эти эффекты наблюдались и в типах реакций интернет-пользователей при обсуждении разразившегося кризиса (Черкашина, 2020), и на уровне сетевых сообществ в целом (Ковалева, Журавлев, 2020).

Репрезентативные опросы россиян, проводившиеся отечественными социологическими агентствами, зафиксировали всплеск страхов заражения коронавирусом в конце марта – начале апреля 2020 г., который постепенно стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий карантина (Исследование социальных эффектов..., 2020; Социология пандемии..., 2020). Так, по данным ВЦИОМ, с марта по июль 2020 г. число опасующихся заразиться коронавирусом снизилось на 20% (Фёдоров, 2020). Помимо динамики страхов,

была отмечены существенные региональные различия в их уровне (Индекс страха..., 2020).

Распространение пандемии в России и за рубежом сопровождалось всплеском конспирологических теорий (Архипова и др., 2020; Deroux et al., 2020). Исследователями была обнаружена связь между обращением интернет-пользователей к социальным сетям в качестве источника информации и уровнем их подверженности вере в конспирологические теории, а также переживаемого стресса (Allington et al., 2020; Barua et al., 2020; Deroux et al., 2020). Во время эпидемий социальные сети преимущественно используются для аффективно-го совладания с ситуацией через выражение тревоги и гнева, а также для взаимной поддержки. При этом отмечается недостаточное использование властями этого канала для коммуникации с гражданами во время пандемии (Кубрак, Латынов, 2020). Напротив, уровень доверия к властям, ученым и официальным СМИ был одним из факторов, поддерживающих жизнеспособность личности в условиях пандемии и готовность соблюдать правила предосторожности, рекомендуемые врачами (Нестик, 2020).

Распространение конспирологических теорий происхождения COVID-19, их негативное влияние не только на субъективное благополучие личности, но и на санитарно-эпидемиологическую обстановку делает актуальной задачу прояснения психологических предпосылок конспирологических убеждений. Среди личностных характеристик интернет-пользователей, связанных с верой в конспирологические теории пандемии, можно выделить тревожность, избегание неопределенности, импульсивность, религиозность, авторитаризм правого толка, веру в интуицию и низкую рефлексивность (Alper et al., 2020), ориентацию на социальное доминирование и консервативные политические установки (Lobato et al., 2020), национальный нарциссизм (Leone, 2019). Эти же или близкие к ним по смыслу личностные характеристики являются предпосылками общей конспирологической ориентации личности, хотя вопрос о ее личностных детерминантах остается открытым (Goreis, Voracek, 2019).

Целью двух проведенных нами исследований стало прояснение социально-психологических предпосылок веры в конспирологические теории пандемии COVID-19, а также связи между отношением к пандемии и вовлеченностью личности в использование социальных сетей.

Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения пандемии

В задачи первого исследования входило изучение социально-психологических предпосылок веры личности в конспирологические теории происхождения пандемии. Мы предположили, что убеждение в искусственном происхождении COVID-19 связано с социальным цинизмом в представлениях об обществе, ориентацией на консервативные ценности, а также с верой в справедливость мира.

Данные собирались через онлайн-опрос с помощью сервиса SurveyMonkey с 18 марта по 20 апреля. Респонденты рекрутировались путем размещения ссылки на исследование в социальных сетях «Facebook» и «В контакте» и не получали вознаграждения. Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсекаания анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

В исследовании приняли участие 668 человек (78,2% – женщины) в возрасте от 17 до 80 лет ($M=30$; $SD=12,7$), география опроса охватывала разные регионы России. Для измерения конспирологической ориентации, а также других характеристик отношения к пандемии использовался разработанный Т.А. Нестиком опросник «Отношение к эпидемиологической угрозе». В ходе апробации методики из первоначальных 80 утверждений было оставлено 38, степень согласия с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Апробация опросника на выборке $N=1462$ показала хорошую согласованность 10 шкал, состав которых подтвержден конфирматорным факторным анализом ($\chi^2=1576,712$; $df=536$; $CMIN/df=2,942$; $p<0,001$; $RMR=0,070$; $CFI=0,953$; $RMSEA=0,036$; $Hi\ 90=0,039$; $Pclose=1$). В число измеряемых нами аффективных компонентов отношения личности к пандемии вошли тревога по поводу пандемии (4 утверждения, α Кронбаха =0,801; $M=3,13$; $SD=0,948$; пример утверждений: «Когда я задумываюсь о последствиях эпидемии COVID-19, мне становится страшно») и социальный оптимизм в отношении исхода пандемии (4 утверждения, α Кронбаха =0,837; $M=3,50$; $SD=1,018$; пример: «Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии»). В число когнитивных компонентов вошли самооффективность (4 утверждения, α Кронбаха =0,779; $M=3,44$; $SD=0,912$; «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»), вера в конспирологические теории пандемии (3 утверждения, α Кронба

ха =0,831; M=2,86; SD=1,113; «Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно»; «Причиной пандемии являются чьи-то экономические или политические интересы»; «Шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем»; вера в эффективность вакцинации (3 утверждения, α Кронбаха =0,776; M=3,33; SD=1,025; пример: «Прививка – надежное средство против инфекционных заболеваний»); дескриптивные нормы, то есть вера в готовность окружающих соблюдать правила предосторожности (3 утверждения, α Кронбаха =0,652; M=2,44; SD=1,57; «В случае эпидемии большинство людей не станут сообщать о том, что они заболели, чтобы не оказаться на карантине»); поддержка жестких мер сдерживания (4 утверждения, α Кронбаха =0,752; M=2,65; SD=0,965; «Только железная дисциплина может спасти общество от серьезной эпидемии»). Из поведенческих компонентов измерялось физическое дистанцирование и мизофобия (4 утверждения, α Кронбаха =0,837; M=3,50; SD=1,018; «Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться»), интерес к новостям о пандемии (3 утверждения, α Кронбаха=0,761; M=3,30; SD=0,976; «Я стараюсь быть в курсе новостей о развитии эпидемии»), ориентация на помощь другим во время эпидемии (5 утверждений, α Кронбаха =0,739; M=3,31; SD=0,790; «Я готов предложить помощь пожилым людям, заболевшим во время эпидемии»).

Для измерения выраженности консервативных ценностей использовался «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения социального цинизма использовался опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой. Для измерения веры в справедливость мира применялась шкала «Вера в справедливый мир» К. Далберт в адаптации С. К. Бочавер, М. Б. Подлипняк и А. Ю. Хохловой. Кроме того, для измерения доверия к социальным институтам респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале свое доверие правительству, СМИ, российским медработникам и Всемирной организации здравоохранения (α Кронбаха =0,720). Также в анкету был включен ряд других показателей, не относящихся к данному исследованию.

Как показали результаты линейного регрессионного анализа (N=668; R=0,542; R²=0,294; F=28,274; p<0,001), предикторами веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 оказа-

лись низкое доверие к социальным институтам ($\beta=-0,268$) и социальный цинизм ($\beta=0,163$), низкая самооффективность ($\beta=-0,192$), низкий интерес к официальным новостям о пандемии ($\beta=-0,163$), вера в справедливый мир ($\beta=0,148$), а также ориентация на консервативные моральные основания лояльности к своей группе ($\beta=0,159$) и уважения к авторитетам ($\beta=0,133$). Таково сочетание характеристик, которые можно назвать «синдромом конспиролога» в условиях пандемии COVID-19 (см. таблица 28.1).

Таблица 28.1
Социально-психологические предикторы веры
в конспирологические теории пандемии (N=668)

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	3,22	0,371		8,675	***
Общая вера в справедливый мир	0,149	0,048	0,148	3,129	0,002
Доверие к социальным институтам	-0,336	0,055	-0,268	-6,133	***
Самооффективность: вера в способность защитить от COVID-19 себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	-0,324	0,07	-0,192	-4,64	***
Интерес к новостям о пандемии	-0,182	0,045	-0,163	-4,001	***
Социальный цинизм (SAS)	0,23	0,059	0,163	3,907	***
Лояльность к своей группе (MFQ)	0,044	0,014	0,159	3,024	0,003
Уважение к авторитетам (MFQ)	0,036	0,015	0,133	2,392	0,017

Примечание: *** – $p < 0,001$.

В ходе корреляционного анализа была обнаружена негативная связь веры в конспирологические теории с тревогой по поводу пандемии ($r=-0,131$, $p=0,001$) и верой в эффективность вакцинации ($r=-0,200$, $p < 0,001$).

Обнаруженная нами связь конспирологических убеждений с низкой самооффективностью и верой в справедливый мир, по-видимому, указывает на одну из важнейших психологических функций конспирологии – защиту непротиворечивой, логичной картины мира в условиях высокой неопределенности. Как неоднократно уже отмечалось, в ситуации неконтролируемой опасности люди склонны искать могущественного врага, которому можно приписать причины проис-

ходящего, повышая тем самым свою самооценку и воспринимаемый уровень контроля над ситуацией (Sullivan et al., 2010). По-видимому, веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности в условиях глобального кризиса. Учитывая, что большинство участников исследования являлись пользователями социальных сетей, низкий интерес к новостям о пандемии в СМИ и склонность недооценивать ее опасность могут объясняться эффектом подтверждения первоначального мнения и стремлением к самонепротиворечивости, когда человек избегает официальных новостей о коронавирусе, но при этом оказывается в «эхо-камере», информационном пузыре из источников информации, которые соответствуют уже выбранной позиции по отношению к происходящему. Одним из механизмов формирования таких «эхо-камер» может быть переживание личной или групповой угрозы, усиливающее приписывание негативных намерений «друзьям» в социальных сетях, размещающим информацию, которая противоречит взглядам пользователя (Белинская, Агадуллина, 2020).

В обнаруженном нами «синдроме конспиролога» эти черты сочетаются с ориентацией на консервативные ценности (моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам), низким институциональным доверием и социальным цинизмом, то есть с убеждением в несправедливом устройстве общества. Полученные нами данные хорошо согласуются с другими исследованиями, где была обнаружена связь конспирологических убеждений с переживанием рисков как угрозы моральным устоям и сплоченности группы (Нестик, 2020; Leone, 2019), а также чувством социальной несправедливости (van Prooijen, 2011).

Динамика установок россиян в отношении пандемии в период снижения остроты эпидемиологической ситуации

Целью второго нашего исследования было выявление динамики отношения интернет-пользователей к пандемии коронавируса во время снятия карантинных мер и снижения остроты эпидемиологической ситуации в России в конце мая—начале июня 2020 г. Основная гипотеза исследования состояла в том, что на фоне спада пандемии, вызванной COVID-19, снизится уровень панических настроений, поиска врага, недоверия власти и согражданам. Кроме того, было

выдвинуто предположение, что у более вовлеченных в общение посредством социальных сетей панические настроения и недоверие руководству страны проявляется в большей степени.

Данные собирались через сервис Toloka.Yandex.ru в течение двух недель (с 31 мая по 10 июня 2020 г. с наибольшим количеством ответов 2 и 9 июня 2020 г.). Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсеечения анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

В исследовании приняли участие 986 человек (56,9% мужчин, 43,1% женщин) в возрасте от 18 до 76 лет ($M=36,63$; $SD=10,2$). География опроса охватывала разные регионы России и включала жителей Москвы – 9,8%, городов-миллионников (за исключением Москвы) – 34,5%, областных центров регионов (с населением менее 1 млн чел.) – 27,2% и районных центров – 25,2%.

В качестве основного инструмента исследования использовалась сокращенная версия анкеты, разработанной Т. А. Нестиком для измерения отношения к пандемии и оценки доверия к представителям различных социальных групп (см. исследование № 1). Использованный вариант включал 34 утверждения с пятибалльной шкалой ответов Лайкерта. При этом за счет добавления к шкале самоофективности утверждений, отражающих скептическое отношение к угрозе коронавируса, была сформирована новая шкала ковид-диссидентства (4 утверждения, α Кронбаха = 0,731; $M=2,85$; $SD=0,940$; примеры утверждений: «Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена»; «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»).

Для измерения интенсивности использования социальных сетей применялся опросник О. С. Дейнека «Вовлеченность в сетевые коммуникации», состоящий из 10 утверждений, с которыми требовалось выразить степень согласия/несогласия по 5-балльной шкале (например, «Я предпочитаю использовать социальные сети, а не смотреть телевизор», «Я слежу за действиями, мгновенными событиями, популярными видео и трендами в социальных сетях»). Надежность опросника подтверждена коэффициентом α Кронбаха 0,864. Также опрос предполагал заполнение демографической справки.

Обработка данных включала анализ значимых различий по непараметрическому критерию Манна–Уитни с применением перевзвешивания для учета разного половозрастного состава выборок,

корреляционный анализ по критерию Спирмена с помощью статистического пакета IBM SPSS v. 20.0, а также структурное моделирование в программе IBM Amos v. 22.

Как показывает анализ значимых различий по критерию Манна–Уитни (см. таблицу 27.2), по сравнению с мартом–апрелем 2020 г., в первой декаде июня 2020 г. отмечается рост уровня конспирологической ориентации: значимо выше оказалась вера в искусственное происхождение вируса, а также представление о том, что пандемия – результат чьей-то ошибки ($p < 0,001$). Кроме того, снизилась поддержка жестких мер для пресечения распространения ложных сообщений, выявления заболевших и соблюдения карантина ($p < 0,001$). Выросло скептическое отношение к вакцинации, убеждение в том, что прививки часто вызывают побочные эффекты ($p < 0,001$; $M=3,16$, $SD=1,21$). С одной стороны, отмечается снижение мизофобии, боязни заражения в публичных местах и оценки опасности COVID-19, с другой стороны – укрепляется убеждение в том, что в ближайшие 20 лет эпидемии, подобные COVID-19, будут повторяться ($p < 0,001$; $M=3,63$, $SD=0,92$).

Интернет-пользователи, опрошенные нами на исходе объявленных в России нерабочих дней и режима ограничения передвижения, еще больше уверены в том, что большинство россиян не доверяют официальной информации о количестве зараженных ($p=0,045$; $M=3,68$, $SD=1,03$).

На фоне самоизоляции снизилась оценка усилий руководства страны по сдерживанию пандемии и вера в то, что ученые смогут создать необходимое для лечения новой болезни лекарство ($p < 0,001$), укрепилась вера в то, что надеяться надо на себя и своих близких ($p=0,004$).

Результаты анализа значимых различий по критерию Манна–Уитни показали, что чем старше были респонденты, тем больше среди них было сторонников конспирологических и фаталистических теорий происхождения пандемии («вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью» ($p < 0,001$), «эпидемии – это кара Господня» ($p < 0,001$), «с помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных» ($p < 0,01$)). Соответственно, меньше оказалось тех, кто полагал, что пандемия вызвана случайностью или естественным процессом мутаций ($p < 0,01$).

Анализ данных показал также, что женщины значимо больше верят в теории заговора и чаще соглашаются с тем, что «виру-

Таблица 28.2

Сравнение результатов опроса россиян в марте–апреле и июне 2020 г. (приведены только высокосignимые различия)

№	Утверждения	март (N=668)		июнь (N=978)		p
		М	Σ	М	σ	
1	Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью	2,65	1,10	2,88	1,27	0,001
4	С помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных	2,10	1,00	2,28	1,23	0,001
2	Вспышка эпидемии – это, как правило, результат чьей-то ошибки	2,90	1,1	3,24	1,16	0,000
19	Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена	2,81	1,1	3,03	1,22	0,001
29	Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать	2,10	1,02	2,40	1,32	0,002
21	Эпидемии представляют опасность только для людей с ослабленным здоровьем	2,61	1,05	2,79	1,25	0,001
28	Прививки от гриппа могут нанести больше вреда, чем пользы	2,62	1,10	2,79	1,27	0,001
27	Прививки часто вызывают побочные эффекты	2,93	1,01	3,16	1,21	0,001
25	Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии	3,06	1,13	2,79	1,28	0,001
26	В случае глобальной эпидемии врачи смогут создать необходимое лекарство	3,55	0,90	3,34	1,03	0,001
30	Если я заболею в ходе эпидемии, то смогу надеяться только на себя и своих близких	3,20	1,10	3,33	1,30	0,004
12	Большинство россиян не станут верить официальной информации о числе заболевших и умерших во время эпидемии	3,60	1,10	3,68	1,03	0,045
33	Я опасуюсь приходить на прием в поликлинику, чтобы не заразиться	3,43	1,25	3,25	1,35	0,002
32	Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться	3,33	1,21	3,11	1,35	0,003
3	Эпидемии – это кара Господня	1,82	1,00	1,68	1,02	0,049
18	В ближайшие 20 лет эпидемии, подобные COVID-19, будут повторяться	3,40	0,90	3,63	0,92	0,001
13	За нарушение карантина нужно наказывать тюремными сроками	2,42	1,1	2,08	1,19	***

Продолжение таблицы 28.2

№	Утверждения	март (N=668)		июнь (N=978)		p
		М	Σ	М	σ	
15	Нужно раскрывать информацию об истории передвижений и контактах заболевших, даже если это нарушает их право на неприкосновенность частной жизни	3,20	1,21	2,87	1,36	***
16	Чтобы не допустить паники, нужно пресекать распространение новостей, отличающихся от официальной информации и рекомендаций ВОЗ	3,45	1,2	3,06	1,33	***

Примечание: *** – $p < 0,001$.

сы создаются искусственно с какой-либо целью» ($p < 0,05$), а также что «вспышка эпидемии – это результат чьей-либо ошибки» ($p < 0,05$). Среди мужчин оказалось больше скептиков, которые согласны с тем, что «во время эпидемий информация о количестве зараженных будет намеренно искажаться, чтобы не сеять панику» ($p < 0,05$) и что «шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем» ($p < 0,05$). Мужчины чаще соглашались с тем, что «фармацевтические компании специально задерживают выпуск некоторых лекарств, чтобы в дальнейшем они стоили дороже» ($p < 0,05$).

Вопреки ожиданиям нами не было обнаружено прямой связи между вовлеченностью в социальные сети и конспирологическими убеждениями. Вместе с тем результаты структурного моделирования ($\chi^2=2,372$; $df=2$; $CMIN/df=1,186$; $p=0,305$; $RMR=0,010$; $CFI=0,999$; $GFI=0,999$; $RMSEA=0,014$; $Hi\ 90=0,067$; $Pclose=0,831$) позволили подтвердить пригодность путевой модели, в которой вовлеченность в социальные сети повышает институциональное доверие, но при этом усиливает тревогу по поводу пандемии. В свою очередь, тревога повышает веру в конспирологические теории. Доверие к социальным институтам, напротив, снижает как конспирологическую ориентацию, так и установки, характерные для ковид-диссидентства (см. рисунок 28.1 и таблицу 28.3).

Результаты корреляционного анализа показывают, что среди тех, кто предпочитает социальные сети официальной информации (телевидение, радио, печать), статистически значимо больше респондентов,

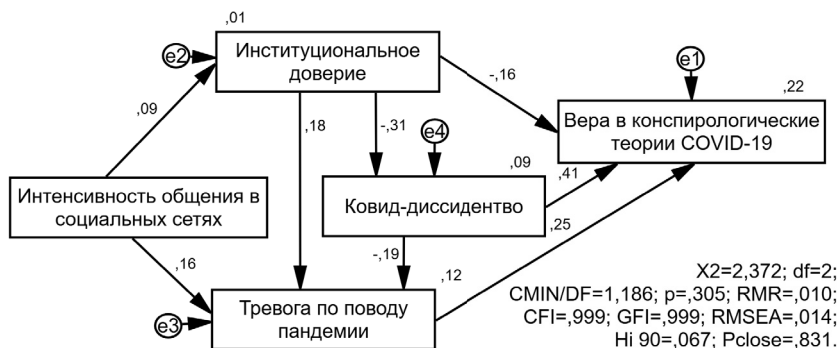

Рис. 28.1. Графическое представление результатов структурного моделирования (N=986)

Таблица 28.3

Связь вовлеченности в сетевое общение с институциональным доверием и отношением к пандемии (регрессионные веса путевой модели, полученной в результате структурного моделирования, N=986)

Зависимые переменные	Предикторы	B	S. E.	C. R.	β	p
Институциональное доверие	Вовлеченность в сетевое общение	0,092	0,033	2,808	0,089	0,005
Ковид-диссидентство	Институциональное доверие	-0,349	0,035	-10,094	-0,307	***
Тревога по поводу пандемии	Вовлеченность в сетевое общение	0,213	0,041	5,243	0,158	***
	Институциональное доверие	0,237	0,042	5,669	0,180	***
	Ковид-диссидентство	-0,217	0,037	-5,92	-0,187	***
Вера в конспирологические теории COVID-19	Институциональное доверие	-0,161	0,031	-5,241	-0,158	***
	Ковид-диссидентство	0,367	0,027	13,599	0,410	***
	Тревога по поводу пандемии	0,191	0,023	8,334	0,247	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, CR – критическое отношение B/SE, p – статистическая значимость, *** – $p < 0,001$.

характеризующихся низким социальным и институциональным доверием. У них больше выражено негативное отношение к руководству страны, и они не считают достаточными усилия, которые предпринимаются властью для сдерживания пандемии ($r=-0,230$, $p<0,001$), не верят в возможности отечественной медицины ($r=-0,200$, $p<0,001$), а также не надеются на себя и своих близких в ситуации заболевания ($r=-0,190$, $p<0,001$). Кроме того, среди них больше тех, кто не только не доверяет официальной информации об эпидемической ситуации ($r=0,140$, $p<0,001$), но также не доверяет согражданам, приписывая им возможные факты сокрытия информации о болезни из-за боязни оказаться на карантине ($r=0,130$, $p<0,001$), и проецируют свое недоверие официальной статистике по заболеваемости на большинство россиян ($r=0,180$, $p<0,001$).

Наблюдаемый нами в марте—июне 2020 г. рост конспирологических убеждений сопровождался снижением доверия к окружающим и социальным институтам, что подтверждается и репрезентативными социологическими опросами (Исследование социальных эффектов..., 2020). Противоречивая информация о коронавирусе в СМИ, кажущиеся непоследовательными решения федеральных и региональных властей — всё это повышало уровень неопределенности, подталкивая к поиску простых объяснений происходящего. В связи с этим работа по поддержанию доверия населения социальным институтам в период коронакризиса должна опираться как на конкретные действия по контролю ситуации (напр.: Дейнека и др., 2020), так и на психологически грамотную политическую коммуникацию (Кубрак, Латынов, 2020).

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследований, в которых было отмечено снижение критического мышления, обращение к эзотерике и религии в период самоизоляции (Дейнека, Максименко, 2020). Результаты структурного моделирования указывают на то, что в этих процессах важную роль играет тревога по поводу пандемии. Известно, что приверженность конспирологическим теориям растет в условиях тревоги, дистресса и чувства уязвимости (Šrol, 2020). Именно в мае—июне 2020 г. страх заражения стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий пандемии. Связь конспирологических убеждений с неверием в возможность защитить себя от заражения, выявленная нами в первом исследовании, подтвердилась: недооценка угрозы заражения и признание невозможности его контролировать, характерные

для ковид-диссидентства, оказались тесно связанными с конспирологической ориентацией.

Важным результатом исследования является вывод о том, что вовлеченность в сетевые коммуникации сама по себе не усиливает веру в конспирологические теории COVID-19, но повышает тревогу, для совладания с которой при низком доверии к социальным институтам используется поиск врага и объяснительные схемы, продиктованные социальным цинизмом. У нас не было возможности соотнести ответы респондентов с кругом групп и блогеров, на которые они подписаны в социальных сетях, но можно предположить, что низкий уровень социального доверия является одним из ключевых факторов замыкания интернет-пользователей в «информационных пузырях», усиливающих конспирологические убеждения.

Нами обнаружена связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности в условиях пандемии.

По сравнению с мартом-апрелем 2020 г., в мае-июне 2020 г. значительно повысился уровень веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории происхождения пандемии, выраженность недоверия к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации; снизилась боязнь заражения, но возросли опасения повторения эпидемий.

Показано, что вовлеченность в сетевые коммуникации повышает тревогу в отношении последствий коронакризиса, которая в свою очередь усиливает поиск конспирологических объяснений происходящего. Среди тех, кто предпочитает получать информацию из социальных сетей, а не из источников официальной информации (телевидение, радио), оказался ниже уровень доверия правительству, отечественной медицине и согражданам, а также ниже уверенность в возможности справиться с кризисом собственными силами.

Фактор возраста проявился более высокой тревогой и страхом заболеть, а также большей подверженностью вере в конспирологи-

ческие теории у респондентов более старшего возраста. Фактор пола оказался слабее, но все же проявился в более выраженных страхах и осторожности в условиях пандемии у женщин и более выраженном недоверии институтам политики и экономики у мужчин.

В заключение хотелось бы обратить внимание на некоторые перспективные направления исследований социально-психологических механизмов формирования конспирологических установок во время пандемии и других глобальных кризисов. Во-первых, заслуживает более пристального внимания задача разграничения психологических функций мифов, призванных объяснить происхождение и распространение угрозы, и собственно конспирологических теорий, которые связывают ее с тем или иным врагом (Архипова и др., 2020). Во-вторых, чрезвычайно перспективным представляется выявление предпосылок конспирологических убеждений в отношении разных глобальных рисков: пандемии, изменения климата, финансовых кризисов, терроризма, техногенных катастроф. Наконец, все более важное практическое значение приобретает выявление закономерностей динамики приверженности конспирологическим теориям на разных стадиях пандемии, в том числе при переходе к вакцинированию населения.